

**Рыцари
в ассортименте**



Ирина
Мазеева

комедийный любовный роман

Ирина Мазаева

Рыцари в ассортименте

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164341
И. Мазаева Рыцари в ассортименте: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25620-4*

Аннотация

Каждая женщина мечтает о мужчине – настоящем герое. Но герои все чаще оказываются совсем не теми, за кого себя выдают. Пока в конце концов мечтательница не выясняет, что вокруг не мужчины, а сплошные диагнозы. Шизоид, истероид, психастеник – с подачи подруги-психиатра Милочка по-другому ассортимент окружающих ее молодых людей и не оценивала. И перспектива выйти замуж перестала быть радужной. Немудрено, что в таком окружении только и остается – объесться блинчиков, посмотреть на себя в зеркало и умереть от разрыва сердца. Так бы и случилось с Милочкой, если бы в один прекрасный момент она не поняла, что настоящий герой – это не рыцарь на белом коне, а...

Содержание

1	4
2	7
3	11
4	14
5	18
6	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Мазаева

Рыцари в ассортименте

1

В этой главе мы узнаем очень многое о главной героине

Милочка Савельева, молодая симпатичная женщина ста шестидесяти четырех сантиметров роста, пятидесяти пяти килограммов живого веса, начальник PR-отдела и обладательница весьма привлекательной зарплаты, в тунике Gucci и джинсах неизвестного происхождения, стояла и любовалась на свое отражение в зеркале. И волновали ее совсем не эти подробности собственной внешности, а возраст. Дело в том, что именно в этот злополучный день мама, Елизавета Николаевна, в замужестве Савельева, умудрилась произвести на свет дитя.

Впрочем, сам факт рождения не так уж и расстраивал нашу Милочку. Жить на свете ей было очень даже интересно и занимательно. Особенно после того, как ее повысили на службе и дали соответствующую новой должности зарплату. Что, в свою очередь, гарантировало всевозможные удовольствия, как то: шопинг без оглядки, обеды в кафе и ресторанах, а также – любые солярии, фитнесы, косметологические кабинеты, массажи и т.д. и т.п.

Сегодня, и именно сегодня, Милочку волновало другое: ей исполнилось тридцать. Нужно ли кому-нибудь объяснять, что значит в жизни современной женщины тридцатилетний юбилей? Это конец молодости. И соответственно, начало старости. Это самая страшная дата, какую только можно себе представить. Еще вчера ты была молода и юна, еще вчера тебе не продавали вино, требуя паспорт, а сегодня в зеркале ты рассмотрела, как твои подростковые прыщи плавно переходят в морщины.

Ты уже научилась принимать свое тело. Научилась любить вот эту несовершенную – слишком маленькую или слишком большую – грудь, вот эти недостаточно длинные и не очень прямые ноги, вот эти вот не к месту жировые отложения, скрывающие от всех твои прекрасные 90—60—90. Ты научилась ухаживать за всем этим несовершенством; ты уже почти победила целлюлит и избавилась от лишних волосков в неположенных местах. Ты научилась подбирать одежду так, чтобы все кругом видели только твои достоинства и никто не замечал твои недостатки.

Ты купила то дивное платье, в котором выглядишь такой высокой, что и саму тянет записаться в баскетбольную секцию. Ты подобрала наконец ту единственную прическу, которая делает твой шнобель маленьким и кокетливо курносый носиком. Ты научилась ходить на 14-сантиметровых каблуках так, что окружающие заглядывают тебе за спину, ожидая увидеть там крылья (или хотя бы пропеллер).

Ты обзавелась коллекцией такого белья, с помощью которого встает и стоит у самого пропащего импотента. Вот этот дивный черно-рубиновый комплект – для страсти. Надев его, ты обнаруживаешь утром простыню, завязанную морским узлом, туфли на люстре и целый выводок невыспавшихся и злобных соседей под дверью.

Вот этот хлопковый, розовый в цветочек – для нежности. Надев его, ты превращаешься в школьницу – с косичками и ранцем за плечами. Ты смотришь на мир широко открытыми глазами. Для тебя все – в первый раз. И с удивлением ты узнаешь, как это прекрасно, когда каждый сантиметрик твоего тела мужчина – конечно же, твой первый мужчина! – покрывает поцелуями.

А вот этот старенький, нелепого цвета, но такой удобный бюстгальтер, и вот эти полинявшие трусики с мишками – для любви. Ты очень любишь и этот бюстгальтер, и эти трусики, и несмотря на то, что давно обещаешь себе их выкинуть, бережешь, и не просто бережешь, а иногда надеваешь. И это – белье для любви. Потому что, если ты любишь мужчину, тебе все равно, что ты не в форме, что ты не в чулках и не в розочках. Потому что, если мужчина любит тебя, ему все равно, какое на тебе белье.

Такие дела. Но в один ужасный день приходит твой день рождения, ты смотришь в свой паспорт и понимаешь, что тебе тридцать. И все это: все эти твои ножки, щечки, прически, чулочки – уже никому не нужны. Тебе тридцать. А мир кишмя кишит семнадцатилетними – жадными до мужчин, жадными до жизни, жадными до удовольствий – молодыми, здоровыми и глупыми девочками.

Милочка стояла и смотрела на себя в зеркало. Зеркало отражало Милочку равнодушно и безжалостно. Ей было тридцать, и жизнь ее кончилась.

Поскольку Милочка все-таки была оптимисткой, то еще буквально до вчерашнего дня она раздумывала обо всей этой приятно праздничной суете: кого, куда, что подавать и что подарят. Звонила Елизавета Николаевна, мама именинницы.

– Милочка, тебе уже тридцать – ты уже взрослый человек. Это ведь юбилей. Нужно заказать зал где-нибудь в кафе. Чтобы не совсем дорого и со вкусом. Непременно позвать бабушек. Тетю Надю с дядей Геной, их Катеньку со Славиком. Не знаю, придет ли Аня, ведь Антошке всего годик... Но все равно позвать надо. Дядю Мишу не забудь пригласить с тетей Тоней. Кирилл с Женей. Елену Борисовну, она нам совсем как родная... – и все в таком духе.

Милочка к кафе с родственниками морально готова не была. Ах, у нее еще так свежи были воспоминания, как она уговаривала родителей уйти до вечера к бабушке с дедушкой, звала подруг... Как они ели мороженое, танцевали, а потом пришли одноклассники Гаврилов с Третьяковым... А потом они нашли бутылку «Смирнофф». И выпили. И налили в нее спирта «Рояль» с водой в пропорции 1:1. А в литровую бутылку «Рояля» просто долили воды...

И что? Теперь уже можно и нужно было сидеть с родителями и со всей родней в кафе, пить вино, по десятому разу рассказывать одно и то же и плясать под Меладзе. Не то чтобы она не любила родителей или чуралась родни... Просто ей, по крайней мере в свой день рождения, хотелось совсем другого. Хотелось хулиганить, пить спиртное исподтишка, бежать куда-то шумной компанией, потом поймать такси, приехать в самый дорогой ночной клуб и зажигать там до утра.

Вчера Милочка все вне рабочее время посвятила обдумыванию этой проблемы. И не пришла ни к чему. И размышляла об этом же сегодня все утро. Проблема заключалась в одном: ей не хотелось никого видеть.

Можно и нужно было, конечно, позвать Климку – Катьку Климентьеву, личного Милочкиного психиатра-тире-психолога, лучшую подругу, душеприказчицу, товарища и соратника. Но! Но вдвоем они и так хулиганят, пьют и ездят по ночным клубам регулярно. Поэтому нужна именно компания – но кого еще?

Можно пригласить Леночку, с которой Милочка познакомилась в те далекие времена, когда занималась бальными танцами. Потом они разругались из-за Сергуни из 126-й квартиры. Потом, уже учась в университете, они случайно столкнулись на улице и снова стали общаться. Но Леночка все-таки была слишком тяжела на подъем, чересчур серьезна и предусмотрительна для подобных забав – таких, о которых мечталось Милочке. К тому же у Леночки был муж, он мог и не отпустить свою благоверную гулять до утра.

Можно было позвать Люсика и Пусика – уморительнейшую пару. Он, Пусик, – художник, она, Люсик, – дизайнер. С ними всегда легко, весело, просто. Правда, у них обычно нет денег... Но Милочка уже могла себе позволить развлекать кого-нибудь за свой счет. Оставляло ее другое. Эти люди неизбежно напомнят о ее бывшем, об Аркане, – сволочи и

подонке, вспоминать о котором ей не хотелось. И даже видеть их – не хотелось. Неудивительно: изначально это ведь были его друзья. Когда угодно – только не в день рождения.

– Никого не хочу видеть! – сказала Милочка сама себе.

Она уже не стояла столбом на середине комнаты и не пялилась на себя в зеркало, а играла в тетрис, за которым ей всегда хорошо думалось. Милочка умела обманывать себя. Но сейчас все явно было шито белыми нитками. И с Климкой они никогда не бегали по городу ночью и не ходили в самые дорогие ночные клубы. И Леночка была серьезной только до первой стопки. И Пусик с Люсиком давно уже стали ее друзьями. Просто формулировка «никого не хочу видеть» означала совсем другое: «меня не хочет видеть тот единственный, кого хочу видеть я».

Все было именно так: в ее жизни уже год как был человек, который был ей не просто приятелем, не просто другом... Милочка, впрочем, старалась не формулировать свое отношение к этому человеку. И тем более никогда не говорила о своих чувствах с ним. Он, правда, с ней тоже о своих чувствах не говорил. Но был таким предупредительным, таким милым и заботливым, что Милочка, казалось, только и читала в его глазах самые значимые для каждой женщины слова.

И вот теперь – в ее день рождения!!! – он не звонил. Он не поздравил! Не прислал цветы! Не прибежал сам!!! Милочка была совершенно сбита с толку. Более того, он не звонил ей уже целых десять дней. Сослался на какой-то срочный проект, заказ – или что там бывает? И Милочка послушно ждала, словно царица, запертая в башне и свесившая косу в ожидании своего принца, который, ухватившись за волосы возлюбленной, мигом залезет к ней и спасет.

Гошик – а так звали ее любимого, – конечно, не дотягивал до принца и вовсе не был похож на героя. Может, поэтому и исчез с ее горизонта так неожиданно и бесславно.

Гнусные кубики снова победили Милочку. «Не везет в тетрис – повезет в любви», – утешила она себя. Телевизор, что-то бубнивший рядом, неожиданно огорошил:

– Супер-пупер-крем! Скажи «Нет!» первым морщинам – продли свою молодость!

Милочка снова, но еще острее, почувствовала себя неожиданно состарившейся девочкой – тридцатилетней одинокой женщиной, которая никому не нужна.

– Вот и все. И больше не на что надеяться, не к чему стремиться, незачем жить. В моем возрасте уже нет никаких иллюзий. Я – такая, какая я есть. Меняться уже поздно. И мужчины такие, какие есть. И героев не существует. Надо перестраиваться. Снять розовые очки. Начать носить черный цвет. И ничего больше от жизни не ждать.

Все это Милочка сказала себе, снова стоя перед зеркалом. Она сказала это себе без надрыва. Напротив, сухо, как на совещании. Без эмоций. Начался новый период ее жизни. И скорее всего, без Гошика. И тут ей захотелось плакать.

2

Про Гошика и историю его отношений с Милочкой

С Гошиком все началось ровно год назад.

Впрочем, он ее убедил, что все началось гораздо раньше. Знакомы они к тому времени были ровно двадцать лет.

Двадцать лет – страшно представить! Но Милочка все прекрасно помнила. В то лето родители вывезли ее по профсоюзной путевке от предприятия, где они работали, на юг. В город с малопривлекательным названием Могилев-Подольский, что находится на Днестре. Вода в реке была холодной, а дно илистым – в общем, купаться ей не разрешали. Взрослые быстро нашли себе компанию. Целыми днями они резались в карты на пляже, а ей, Милочке, делать было ровным счетом нечего. Никаких подходящих игр для детей не наблюдалось.

Все изменилось, когда они переехали в Винницу. Видимо, профсоюзная путевка предполагала какой-то переезд, но Милочке представлялось, что все произошло исключительно из-за ее страстного стремления убраться из дурацкого Могилева.

Итак, они перебрались в какой-то загородный пансионат. Никакой речки там и в помине не было, погода была все такой же – ни то ни се, но Милочке там, в Виннице, понравилось. Родители снова нашли себе прекрасную компанию, но компанию, подходящую и для Милочки: у их взрослых знакомых были дети. Дети ее возраста.

Ах, как все было замечательно! Взрослые сразу после завтрака уезжали по каким-то своим делам в город, предоставляя детям полную свободу. В распоряжении последних оказывались номера двухэтажной гостиницы, где они жили, со всеми балконами, холлами и пожарными лестницами, полными загадок и тайн. Более того, они могли играть на огромной территории пансионата с зарослями, тайными тропами, скрытыми от посторонних взглядов полянками и несметным количеством шишек, которыми можно было кидаться, играя в войнушку. И даже это не все: в пансионате имелись детская комната игр и прокат. Большого счастья трудно было себе представить. Комната игр, набитая куклами и пупсами, конструкторами и машинками, была открыта с 9 утра до 6 вечера. А в прокате – совершенно за так! – детям выдавали ролики и скейты, ракетки для бадминтона и разные мячи. Соответственно Милочка, как и все остальные, ничуть не скучала по родителям, а упоенно предавалась играм со своими новыми друзьями. Одним из которых и был Гошик.

Милочка хорошо запомнила этого толстого, неповоротливого и ужасно стеснительного мальчика. В него настолько легко было попасть шишкой, что это становилось даже неинтересно. Гошик падал со всего, на что у него получалось залезть. Он так и не научился кататься на скейте и роликах. Именно поэтому Милочка его так хорошо и запомнила. И именно поэтому он ей совершенно не понравился.

Милочке был нужен герой.

Милочка всегда любила героев. В детстве мальчик, которому позволено было находиться рядом с ней, должен был бегать быстрее всех, прыгать выше всех, лазать лучше всех, и так далее и тому подобное. В школьные годы, чтобы заслужить Милочкино внимание, мальчику нужно было не просто учиться лучше всех, но и побеждать во всех школьных драках, стильно одеваться и знать все ночные клубы их района. В годы студенчества к этим требованиям добавилось наличие денег и связей.

В общем, влюблялась Милочка исключительно в героев. Герои, как ни странно, встречались на ее пути. Но почему-то в них, в героев, влюблялись все девочки без исключения. И во дворе, и в классе, и в университете – везде Милочка была не оригинальна в своем выборе, везде она сталкивалась с серьезной конкуренцией.

Милочка не сдавалась. В детстве она требовала от родителей самых дорогих игрушек, которые могут быть интересны мальчишке, чтобы привлечь внимание дворового героя. В школе – отчаянно боролась за лидерство в классе. В университете, тратила все карманные деньги на фитнес и косметологов.

Не сказать чтобы эти усилия ни разу не увенчались успехом... Все-таки Милочка и сама по себе была недурна: и фигурка у нее была более-менее, и вкус был, и деньги у родителей, чтобы эту стильную, на ее вкус, одежду обеспечить, и голова работала не только на разрешение математических задач, но и в более практичном направлении. Получалось у нее время от времени заинтересовать своей персоной героя...

Но то ли герои все были какие-то ненастоящие, то ли она, Милочка, чего-то в этой жизни не понимала. Поначалу все было хорошо. И внимание героя, и прогулки с ним под луной, и завистливые взгляды подружек, а потом неизменно все разлаживалось. Нет, герой продолжал все так же быстро бегать, побеждать в драках, стильно одеваться и сорить деньгами, а Милочка продолжала им восхищаться...

Но день за днем в герое начинали открываться какие-то не совсем красивые стороны. Даже влюбленная, а потому слепая и глухая ко всему, Милочка не могла не замечать, как рассыпается в пух и прах волшебный образ ее избранника. Вот он нагрубил ей, вот засмотрелся на другую, высмеял своего лучшего друга, рассказал сплетню, не вернул долг, прихватил чужой диск...

Милочка каждый раз поначалу терпела. Она вообще была терпеливой девочкой. Ей хотелось сказки, глянцевої красивой картинки, и ради прекрасного фасада она готова была до поры до времени закрывать глаза на то, что творится на заднем дворе. Но только до поры до времени. Потом же тихонько начинала роптать. Тихонько-тихонько, еле слышно. Но и этого почему-то оказывалось достаточно, чтобы герой тут же, моментально, испарялся.

Герои – делала вывод Милочка – весьма неустойчивая субстанция. В школе ей нравилась химия, и если вспомнить их опыты на уроках, то героя можно сравнить с эфиром. Вдохнешь его – тут же погрузишься в сладостные грезы. А прольешь на стол – испаряется мгновенно. Был – и нет. Через минуту и запаха не остается. А через две – и пятна.

Милочка выводы делала всегда правильные. Проблема заключалась в другом: сложно ей, бедной романтической девушке, следовать своим умозаключениям. Отрыдав в подушку по испарившемуся герою, наглядевшись, как он точно так же, как еще пару недель назад с ней, гуляет с ее подругой, Милочка тут же находила себе нового героя. Точнее, новый герой, выскочив как черт из табакерки, находил Милочку.

Во дворе, в классе, в университете, в их компании появлялся очередной красавец, как две капли воды похожий на Леонардо ди Каприо/Тому Круза/Джонни Деппа с гитарой/кайтом/«Феррари» и счетом в швейцарском банке и очаровывал всех. И нашу Милочку тоже. И все начиналось по новой, пока...

Впрочем, мы отвлеклись.

Итак, ровно двадцать лет назад Милочка с родителями отдыхала в пансионате на юге, где точно так же – вместе со своими родителями – отдыхал и Гошик. Гошик героем не был. Поэтому Милочка в его сторону не смотрела. И забыла бы благополучно, если бы ее родители не спелись с его родителями и не решили продолжить знакомство по возвращении. Благо работали они на одном предприятии, которое им, собственно говоря, эти путевки и выдало. И более того: жили в одном районе.

Поначалу, направляясь в гости, родители пытались таскать с собой уже почти взрослую – десятилетнюю! – Милочку. Милочка протестовала. У нее были свои друзья во дворе. Школьные подруги и очередной герой на горизонте. Что было делать в маленькой комнате у стеснительного Гошика, ей было непонятно. Иногда, правда, он угощал ее жвачкой, которую тогда было не достать... Но Милочка даже из-за жвачки ходить к нему отказывалась.

И не виделась с ним лет пять. Пока ей не стукнуло пятнадцать и в секции бальных танцев Милочка не познакомилась с Леночкой. Познакомилась, подружилась и охотно приняла приглашение навеститься в гости. Дом и подъезд показались Милочке мучительно знакомыми... Все стало понятно, когда однажды на лестнице она нос к носу столкнулась с Гошиком.

Сейчас уже Милочка не помнила точно, о чем они разговаривали. Но то, что они тогда узнали друг друга и заговорили, – это она помнила. Леночка, узнав, что Милочка с ним знакома, тут же вывалила на нее вагон информации. Гошик оказался их ровесником (раньше Милочка думала, что он ее младше). Он был неформалом (это Милочка и сама заметила по его странному внешнему виду). У него был дома

свой
собственный
компьютер.

Это, конечно, немного возвысило Гошика в глазах Милочки, но до героя ему по-прежнему было далеко. Он остался таким же толстым и стеснительным. Более того, одевался Гошик теперь как-то странно. Как говорили тогда, «как лох».

Леночка тоже была о нем не самого высокого мнения. То ли дело Сергуня из 126-й квартиры...

Милочка продружила с Леночкой год. Ровно до того момента, как к ее ногам пал этот самый Сергуня. Тот, по Милочкиному рейтингу, был вполне себе герой. После этого Леночка просто перестала с ней разговаривать. А через два месяца Сергуня нашел себе другую, и повод бывать в доме Гошика у Милочки отпал.

Впрочем, судьба не отступала.

Милочка умудрилась поступить в один вуз с Гошиком. Правда, узнала она об этом только к середине второго курса. Что было немудрено: он учился на математическом, она – на филологическом, и лекции у них обычно проводились в разных корпусах.

Встретились они на университетской дискотеке. Только на сей раз Гошик, явно узнав Милочку, к ней не подошел и не заговорил. Милочка фыркнула: ну и не нужно. И, радостно наблюдая за ним всю дискотеку, констатировала: девушек рядом с ним не было. Она, конечно, и сама пришла без парня, но поклонники вились, и ни один медленный танец она, в отличие от Гошика, не провела, подпирая стеночку.

Потом они закончили вуз. Прошло четыре года. Милочке несказанно повезло: она не только нашла себе очередного героя, но пленила и покорила настолько, что он предложил ей совместное проживание. Милочка была счастлива.

Первые три месяца. До того самого момента, как она уловила начало процесса. Процесса испарения. Еще ровным счетом ничего страшного не происходило. Арканя – так его звали – был одним большим фейерверком идей, планов, мечтаний, праздником для всех, душой компании. Настоящий герой, и, как и положено герою, был всегда красив и элегантен, играючи водил свой «Пассат», играючи зарабатывал деньги, играючи заводил новые полезные знакомства... Запас терпения Милочки позволял ей не обращать внимания на его промахи, а романтический флер – и вовсе не замечать их.

Все было хорошо, герою стукнуло двадцать девять, и с пяти вечера в их съемную, но уютную и даже, можно сказать, шикарную квартирку с евроремонтом начали подтягиваться многочисленные друзья/приятели/знакомые героя. Все было хорошо, пока среди прочих в дом не протиснулся не кто иной, как Гошик.

– Это крутой компьютерщик; на той неделе познакомились, – шепнул Милочке на ухо Арканя, – надо его прикормить, я собираюсь апгрейдить комп – запахло бабки платить.

– Устала? – спросил Гошик, усаживаясь на подоконник в кухне, где Милочка, как белка, крутилась между раковиной и плитой, обслуживая гостей героя.

– Устала, – согласилась она.

– Хочешь, я помою посуду?

– Хочу.

Теперь Милочка влезла на подоконник, открыла форточку и закурила. А толстый неповоротливый Гошик в каких-то мешковидных одеждах стоял у плиты. «А Арканя никогда не моет посуду, – подумала Милочка, – считает, что это не мужское занятие...»

Милочка докурила, слезла с подоконника и направилась в комнату. В конце концов, должен же и у нее быть праздник.

В комнате, в дальнем углу, герой взасос целовался с крашеной блондинкой.

На следующий день Милочка съехала к родителям.

Гошик, казалось, окончательно пропал с ее горизонта.

3

В этой главе, кажется, сама судьба стучится в Милочкину дверь

Ровно год назад, как раз перед Милочкиным двадцать девятым днем рождения, у нее сломался компьютер. Сломался окончательно и бесповоротно. По крайней мере, так решила Милочка, печально глядя на черный экран. Она уже понажимала все кнопки клавиатуры плюс какие нашла на процессоре: результат был нулевой. Слезы сами собой навернулись на глаза. Там, в компьютере, были все ее документы по работе, любимые игры, подборки статей по здоровому питанию, моде, косметологии, психологии и кулинарии, а также – масса фотографий! Смерть компьютера на тот момент показалась ей самой тяжелой утратой ее жизни.

– Спокойно, Маша, я Дубровский, – обнадеживающе отозвалась в трубку Климентьева, – без паники.

Да-да, наша Климентьева, она же Екатерина Григорьевна, она же Катька, она же Климка, была подругой детства Милочки Савельевой. Они учились в одном вузе, встречались на каких-то студенческих вечеринках в общежитии, подружились накрепко и дружили до сих пор, но если из стен альма-матер Милочка вышла специалистом по связям с общественностью, то Климентьева – ни больше ни меньше... психиатром.

Думаете, что самое необходимое в этой жизни? Конечно же, личный психиатр под рукой! В этом Милочка убеждалась если не каждый день, то каждую неделю точно. Раз в неделю они, Савельева и Климентьева, отправлялись гулять. Или, как говорила Климка, «оттопыриться». Правда, периодически эти «оттопыривания» превращались в сеанс психотерапии, так как, опять же по словам Климки, Савельева представляла собой редкий и неоценимый экспонат для изучения. Впрочем, и Милочка никогда не была против копания в своей душе: Климка не зря окончила медфак с красным дипломом.

Итак, у Милочки сломался компьютер, и она, конечно же, сразу позвонила своему личному психиатру – Климентьевой. Милочка всегда, сталкиваясь с проблемами, звонила Катьке. Ибо, как она уже давно поняла, в мире нет такой проблемы, с которой бы не справился хороший врач.

Но в тот раз Климка даже не подумала убеждать Милочку в никчемности данного изобретения цивилизации, а просто продиктовала номер «супер-пупер-навороченного компьютерщика» и дала отбой.

Милочка вздохнула и пошла в ванную. Приняла душ, намазалась кремами, уложила волосы и нарядилась. Надела свое любимое белье и чулки, влезла в платье.

Конечно, мыться, краситься и разряжаться в пух и прах было совершенно лишним. Но дело в том, что к тому моменту, как у нее сломался компьютер, никакой личной, а значит, и вообще никакой жизни у нее не было. Не было уже почти полгода, что, по ее собственному определению, не просто «Ужас-то какой!», а уже «Ужас-ужас-ужас!». То есть все было плохо.

Конечно, еженедельно они с Климентьевой оттопыривались. И с мужиками знакомились. Но все это было совсем не то и совсем не так. Не то чтобы все встреченные ими особи оказывались так плохи...

Милочка, надо сказать, к тому времени уже не ждала героя, не влюблялась в героев и даже старательно обходила этих самых героев стороной. С нее хватило последнего героя в ее жизни – Аркани. Съехав с их общей съемной квартиры к родителям, выкинув на помойку все его подарки, разорвав все общие фотографии и удалив его номер из телефонной книжки, Милочка страдала как минимум года два.

Ах, какие это были отвратительные два года!

Она нашла себе более перспективную работу, даже сделала небольшую карьерку, получив в собственное распоряжение целый отдел, сняла себе квартиру... Но сердце ее было не на месте. Точнее, вместо вышеозначенного органа в левом подреберье несчастной Милочки зияла огромная кровавая дырища.

– Мозги, мозги, главное, должны быть на месте, – активно вещала Климентьева, при этом медленно и изящно прикуривала сигарету в длинном мундштуке.

Мозги у Милочки, судя по всему, отсутствовали. Точнее, включались ровно в девять утра и выключались, как только она выходила из здания, где работала. И Милочка тут же отправлялась под окна дома, где проживал «сволочь, кретин и подонок» – последний герой ее жизни. Или, что еще хуже, вдруг начинала названивать каким-то его друзьям и, хлюпая носом, спрашивать, все ли у него хорошо.

В моменты самых сильных душевных кризисов, активно подавая световой и звуковой сигналы, появлялась скорая психиатрическая помощь в лице Климки и увлакивала Милочку оттопыриваться. В результате чего они обе оказывались в каком-нибудь фешенебельном клубе за столиком и с высокими бокалами в руках. Милочка с горя курила. А Климка курила с удовольствием. Красиво держа длинный мундштук длинными, в кольцах, пальцами, говорила:

– Мозги, мозги, главное, должны быть на месте.

И Милочка потихоньку понимала, что те, кого она принимала за героев, вовсе не были таковыми. Напротив, они являлись личностями, отягощенными огромным количеством комплексов, старавшимися из всех сил их компенсировать. Каждый из ее героев страдал какой-либо фобией. Или паранойей. Или раздвоением личности. Или всем сразу. Милочке от умных психиатрических слов становилось легче.

«Как прекрасно иметь подругу-психиатра!» – думала Милочка перед сном и засыпала со слезами благодарности на глазах.

Стараниями Климки Милочка пришла в себя. Расправила перышки. И, сидя где-нибудь в кафе/ресторане/клубе, прогуливаясь на фуршете в честь открытия выставки или попивая вино на банкете в честь вручения премии, она принялась с интересом посматривать на мужчин. И мужчины – о, чудо! – с интересом посматривали на Милочку. И у нее были все шансы не уйти с мероприятия одной. ...Если рядом не было Климентьевой.

Если Катя была, то Милочка однозначно всегда уходила домой с ней.

– Тебе вон тот, с аляповатым галстуком, понравился? – удивлялась Климка. – У него же типичный эдипов комплекс. Инфантильный и зависимый. В постели будет называть тебя мамочкой. Просить, чтобы ты его отшлепала. Потом рыдать.

Милочка всматривалась. Она представляла в своей постели рыдающего типа, голого, но при галстуке с ярким Микки-Маусом, и едва сдерживала смех.

– Ах, а как прекрасен вон тот тип в рубашке поло... – вздыхала Милочка через неделю на следующем оттопыривании.

– Да он же на каждом углу всем своим видом кричит: я мегасексуален, у меня самый большой член. А в постели – ноль, ничто. Тот, кто хорош в постели, очень редко говорит о сексе и не одевается, как модель из женского глянцевого журнала, – тут же развеивала романтический флер красавца Климка.

Первый год Милочку это веселило.

Потом она в ужасе поняла, что нормальных мужиков просто нет. И у нее началась депрессия. Правда, ее личный психиатр всегда был под рукой!

Через год депрессия прошла. Милочка съехала от родителей, сняв комнату в коммуналке в центре города. Она решительно объяснилась с Климкой. В ходе чего было разбито несколько тарелок, выпито две бутылки мартини, высказано множество нелицеприятных

слов, сделано несколько выводов и принято решение: Климка будет аккуратнее делиться с Милочкой своими диагнозами и прогнозами. И как ни странно, Климентьева слово свое держала.

Милочка даже завела себе парочку мимолетных романчиков. Но то ли она слишком долго общалась с психиатром, то ли нормальных мужиков действительно в природе не осталось... По крайней мере, те, с кем Милочка встречалась до кризиса, хотя бы внешне были похожи на героев. Те, с кем она встречалась после, даже несмотря на старательные Милочкины копания и долгие наблюдения, никаких признаков героизма в себе не обнаруживали.

В общем, к тому моменту, как у нее сломался компьютер, Милочка была одна. Но надежды в ней еще были живы. И еще как! Судя по тому, как она приделась, прежде чем набрать номер «супер-пупер-навороченного компьютерщика».

Голос его в трубке Милочке понравился. Показался таким родным. Как будто всю жизнь общались. «Что это, как не знак судьбы? – подумала Милочка. – Ведь именно так и бывает во всех романах: они встретились и разговаривали так, словно всю жизнь были знакомы...»

Компьютерщик сказал, что приедет возможно быстрее, часа через два-три. И Милочка радостно закатила глазки от счастливого возбуждения.

Во-первых, компьютерщик был мужчиной. Во-вторых, мужчиной новым, неизвестным и полным загадок. В-третьих, судя по голосу, молодым. В-четвертых, почти героем. По Милочкиным представлениям, любой человек, мало-мальски разбирающийся в столь сложных устройствах, как компьютер, становился почти героем. Она, надо сказать, по части проявления геройства в последнее время уже была не столь требовательна.

Милочка не просто намазалась всеми разрекламированными кремами от морщин, разоделась во все самые свои лучшие и дорогие шмотки, но еще и перед этим намыла полы, вытерла везде пыль, прибрала – распахала по углам свой обычный творческий беспорядок. Милочка хотела встретить незнакомого и полного загадок во всеоружии. И только она брызнула на себя туалетной водой от Ива Роше, как раздался звонок домофона.

Милочка, вся такая красивая, уверенная в себе и неотразимая, легким шагом от бедра направилась навстречу своей судьбе. Стояла у входной двери и с замиранием сердца слушала, как поднимается лифт. Волнуясь все больше, она открыла дверь...

На пороге стоял Гошик.

4

В этой главе Милочка получает заманчивое предложение

Милочка жила в коммуналке на Вознесенском проспекте в десяти минутах ходьбы от метро «Садовая-Сенная». В общем-то она давно уже могла позволить себе снять однокомнатную квартиру, но что-то ее останавливало.

Коммуналка ее, как ни странно, была прекрасна. Не из тех огромных мрачных и сырых коммуналок на десять семей, которые так любят показывать в кино, а уютная трехкомнатная квартира с окнами, выходящими в тихий дворик. Милочка занимала дальнюю, самую большую, двадцатипятиметровую, комнату с высоченным потолком. Соседняя пустовала. А в комнате, граничившей с кухней, проживала милейшая старушка – божий одуванчик из того уже уходящего поколения питерских старушек, что носят шляпки с вуалью.

Проблем с соседями у Милочки не было. Более того, с Марьей Никаноровной у нее сложились самые что ни на есть трепетные отношения: Милочка покупала ей продукты и бегала в аптеку, а та, в свою очередь, щедро делилась с юной соседкой своими восхитительными супчиками. Что было как нельзя кстати, ибо Милочка готовить не любила.

В общем, Милочка жила в съемной коммуналке, словно в собственной квартире. На кухне, в ванной и в туалете всегда был идеальный порядок. Марья Никаноровна никогда не сопротивлялась ее нововведениям, напротив, активно помогала менять образ жилища и всегда поддерживала безукоризненную чистоту. Хозяева, сдававшие Милочке комнату, всячески поощряли ее стремление облагородить квартиру, поэтому охотно снижали стоимость аренды с учетом Милочкиных расходов на ремонт.

Решаясь снять комнату в коммуналке, Милочка больше всего почему-то боялась, что соседи будут громко смотреть телевизор. Но Марья Никаноровна телевизор смотрела тихо. И – что немаловажно – никогда не всматривалась в Милочкиных гостей и не задавала лишних вопросов. «Повезло», – однозначно сказала Климка, впервые появившись у подруги дома. На работе Милочка никому не говорила, что живет в коммуналке.

– Я тебя сразу по телефону узнал, – сказал Гошик, протискиваясь между вставшей столбом от неожиданности Милочкой и стенкой. – Так что там у тебя с компьютером стряслось?

– Э-э... – проблеяла что-то неопределенное Милочка, сделав тем не менее рукой приглашающий жест в сторону своей комнаты, что определенно означало: проходи, раздевайся, компьютер там.

Гошик, казалось, и не сообразил, что это коммуналка. Марья Никаноровна, по своему обыкновению, даже не высунулась.

Милочка была разочарована. Не тем, конечно, что не высунулась Марья Никаноровна. Совсем другим. Вот так в кои-то веки почувствуешь судьбоносный момент, настроишься на чудо, приготовишься к нему... А вместо прекрасного мужчины приходит Гошик. Милочка хотела было даже выругаться, но сдержалась. С другой стороны, первым делом самолеты – надо отремонтировать компьютер, а Гошик, по слухам, все-таки первоклассный специалист. К тому же теплилась надежда, что денег за работу он не возьмет.

В своей комнате с двумя огромными окнами, что позволило разграничить ее на «спальню» и «кабинет», Милочка скинула туфельки и влезла в тапочки. А подумав, стянула и платье с чулками. Правда, облачилась не в халат, а в другое платье, попроще. Высунулась из-за перегородки.

Гошик между тем, казалось, совершенно забыл о ее присутствии. Он разложил вокруг компьютера какие-то диски, инструменты, проводки, детальки и что-то сосредоточенно со всем этим делал. Милочке ничего не оставалось, как молча притулиться на краешек тахты и наблюдать за его работой.

Через десять минут она поняла, что это надолго, и отложила глянцевого журнала. Еще через три минуты Милочка гордо удалилась в «спальню-гардеробную». «В конце концов, у меня всегда есть чем заняться», – подумала она и раскрыла двери шкафа-купе. На днях Милочка купила себе новое платье, а подобрать к нему туфли и что-нибудь сверху еще не успела.

– Может, я найду что-нибудь в своем гардеробе? – вслух сказала она, не сомневаясь, что увлеченный работой Гошик ее не услышит.

Милочка аккуратно разложила платье на двуспальной кровати, застеленной ярким оранжевым пледом. Вытащила три пары туфель, какие-то кофточки-жакетики, бусы-поясочки и окончательно погрузилась в другую реальность.

Через час Милочка вынырнула обратно. Из «кабинета» не доносилось ни звука. Раскрасневшаяся от удовольствия Милочка выглянула из «спальни». В «кабинете» ничего не изменилось: так же стоял компьютер, так же в окружении каких-то немыслимых инструментов сидел толстый, некрасивый и совершенно не героический Гошик. Милочка грустно вздохнула. Примерять наряды расхотелось. Она задумчиво продефилировала к тахте, устало плюхнулась на нее и включила телевизор. Закурила. Гошик даже ухом не повел. Милочке стало мучительно жалко себя.

«Жизнь проходит мимо», – неожиданно сделала вывод Милочка. И буквально прочувствовала это каждой клеточкой своего тела. Почему именно сейчас жизнь отчаянно проходила мимо, Милочка понять не могла.

Она внимательно оглядела комнату – свое убежище. Разглядела до последней складочки на гардинах. И современный компьютер, и удобный компьютерный стол, и огромный плазменный телевизор, и тахту, и кресло-качалку, и настоящую картину на стене. И неинтересного Гошика, совершенно не вписывающегося в такой чудесный интерьер. Милочке стало грустно. Она даже тяжело вздохнула. И компьютер в тон хозяйке что-то жалобно пропищал... После чего два раза мигнул и пошел загружаться. А Гошик неожиданно встал из-за стола.

Милочка вздрогнула. Гошик же, потупившись, вытащил из своей огромной сумки бутылку вина и водрузил ее на журнальный столик перед тахтой.

Милочка удивилась.

Гошик начал оправдываться:

– Мила, ну это же еще долго будет делаться. Почему бы нам не выпить? Сегодня суббота, больше у меня клиентов нет. Не слушаю никаких возражений! Неси бокалы.

Жизнь так стремительно проходила мимо, что Милочка в отчаянии принесла бокалы и нарезала камамбер. Ведь сегодня действительно была суббота. И Милочке ровным счетом нечем было себя занять. И Климка находилась на ночном дежурстве. И герои уже не слетались на Милочку, как мотыльки на огонек.

– А где ты работаешь? – вежливо поинтересовалась Милочка, пригубив вино. – Что у вас за фирма?

Вино оказалось превосходным, а в обществе Гошика Милочка чувствовала себя легко и непринужденно.

– Да, на одной фирме... Не знаю, как попроще все это объяснить. Короче, занимаемся всем, что касается компьютеров: сборкой, продажей, сервисом. Компьютеры чиним. Как правило, те, что все отказались чинить. Мы восстанавливаем то, что невозможно восстановить, заставляем работать то, что, кажется, давно умерло. Консультируем...

– То есть ты правда такой супер-пупер-весь-из-себя специалист? – Милочкина память упрямо навязывала образ толстого мальчика, который и от шишки-то увернуться не мог. Все это никак не вязалось с нынешним успешным Гошиком.

– Нет! – огрызнулся друг детства. – Я не супер-пупер. – И, на что-то обиравшись, снова засел за компьютер.

– Гоша! – позвала Милочка; называть его Гошиком как-то язык не повернулся. – Ну не сердись. Я правда периодически слышу лестные отзывы о тебе. Я, видишь ли, ничего не понимаю в технике, поэтому вряд ли могу понять, насколько ты крут, но людям доверяю.

– Я не сержусь. Мне нужно другой загрузочный диск поставить.

– Мы с тобой так давно знакомы, а я, в сущности, ничего про тебя не знаю...

– И нечего про меня знать. Расскажи лучше про себя.

Уж что-что, а просить Милочку рассказать про себя два раза не нужно было. Кра-теню, часа за два, она рассказала ему основные вехи. Про несчастную личную жизнь, про удачную карьеру, про личного психотерапевта, про одинокую девичью квартирку и пустую постельку... Пришла в себя Милочка к окончанию второй бутылки вина. Слова о пустой постельке показались ей несколько лишними. Хотя, оценив ситуацию, она полулежала на тахте, а, точнее, на Гошике, уткнувшись носом ему в плечо, мокрое от ее слез, – Милочка сочла, что фиг с ним – все к месту.

– Милочка... Милочка... – Гошик, видимо, тоже расчувствовался. – Милочка... я так тебя... понимаю! Любить – это так вредно, люди такие черствые, такие злобные...

– Такие сволочи, – послушно всплакнула Милочка.

– Такие стервы, – согласился Гошик. – Знаешь, я тут пришел к выводу... Жениться нужно не по любви.

На этих словах он резко отринул Милочку от себя. Да так резко, что она чуть не свалилась с дивана.

– Милочка! – Гошик вытащил откуда-то еще бутылку вина, открыл ее и наполнил бокалы. – Милочка, выходи за меня замуж по расчету. Зачем нам эта любовь?

– Что?! – немного протрезвела Милочка. – Ты мне предлагаешь руку и сердце?

– Ну-у... можно и так сказать. Давай поженимся по расчету. Я прекрасно зарабатываю. Ты думаешь, я такой мальчик на побегушках? А я на самом деле совладелец фирмы. Просто меня мало интересуют бюрократические дела. Мне интереснее в железе копаться. Так что с финансовой точки зрения все прекрасно. Я недавно квартиру двухкомнатную в кредит купил. Машины у меня, правда, нет. Зачем мне своя, когда есть служебная? Но если хочешь, я тебе машину куплю. Все, что хочешь... Я... Я, как ты могла заметить, в отличие от некоторых... – он показал на саму Милочку, выкутившую за душещипательным разговором почти пачку, – ...не курю. Почти не пью. Это уж так, с тобой... немножко...

Милочка хлопнула залпом бокал.

Она, конечно, все, что угодно, ожидала, но только не это: Гошик, замуж, по расчету. Тот факт, что Гошик хорошо зарабатывал, являлся совладельцем фирмы и к тому же собственником квартиры (двухкомнатной!), плюс обещал ей купить машину, сразу немного приподняло его в Милочкиных глазах. Но все равно он не имел никакого права делать ей такие ужасные предложения!

Милочка, конечно, предпочитала обеспеченных мужчин. Но и чувства собственного достоинства была не лишена. Она и сама неплохо зарабатывала. Квартира, правда, ей пока была не по карману, но машина, в общем-то – а почему бы и нет? – вполне. В ресторанах, куда ее приглашали мужчины, Милочка за себя не платила, но из подарков принимала только цветы и конфеты – никаких бриллиантовых коле! Бриллиантовые кольца ей, правда, никто еще не порывался дарить... Но пусть только попробует! Милочка все равно не возьмет.

Впрочем, все сказанное на самом деле было на втором плане. А на первом стояла любовь. Как же выходить замуж без любви? Ведь это придется всю жизнь жить с человеком бок о бок, спать в одной кровати, встречаться с утра на кухне – да мало ли чего еще! А если ты его не любишь? Как же к нему привыкнуть? К его недостаткам, дурацким привычкам, комплексам? Как же без романтики, наконец?

Все эти мысли моментально прокрутились в голове у Милочки. Но данные так и не прошли окончательную обработку.

– Ты это серьезно? – только и спросила она.

– Конечно, – отозвался Гошик. – А почему ты мне не веришь?

– Потому что так предложение не делают. Явился тут, понимаешь ли, не запылился, и втирает мне какую-то ерунду! – почему-то оскорбилась Милочка. – Если ты такой прекрасный, что ты меня пришел уговаривать? Я замуж не хочу. А тех, кто хочет, – пруд пруди. Только свистни. Расскажешь им, сколько зарабатываешь, и сразу к тебе очередь выстроится.

– А мне некогда этим заниматься. Меня ты вполне устраиваешь.

– И чем же это?

– Знаю я тебя давно. Это ты на меня в детстве мало внимания обращала, а я всегда за тобой наблюдал. Ты из тех, кому можно довериться.

– И все?

– А мне этого достаточно.

5

Немного сумбурная глава, но заканчивающаяся принятием решения

– Что, прямо так упал на колени и предложил руку и сердце?

Климка лихо вывернула на Суворовский. Милочке все-таки пришлось посетить Дисконт-центр еще раз – купить к платью туфли. Климка, обычно тратившая на шмотки гораздо меньше и денег, и времени, на сей раз, как настоящая подруга, составила ей компанию. И теперь они возвращались в центр, заваленные покупками, на почти новенькой Климкиной «девятке».

– Что, прямо так упал на колени и предложил руку и сердце?

– Представь себе! – отозвалась Милочка, в сотый раз отвечая на сотый раз заданный вопрос.

– И что?

– Я сказала, что подумаю. – Милочка опустила окно и закурила. – Не могла же я ему так сразу в лоб сказать, что я его и как мужчину-то не воспринимаю. Это как-то невежливо.

– Слушай, что он, тебе совсем-совсем не нравится? Ну ведь голова-то у него есть, раз на квартиру заработал, совладельцем фирмы стал...

– Ой, Климентьева, даже не знаю... Его акции, конечно, выросли в цене, когда он про квартиру сказал... Но, Климочка, пойми, я могу ему в плечо уткнуться, поплакать, могу по этому самому плечу потрепать – я спокойно могу к нему прикоснуться, но представить его в своей постели... Понимаешь, я все-таки эстет. Мне нужно, чтобы мужчина был красивый. Помнишь Арканю? Сволочь он, конечно, но какая красивая сволочь...

– Ты что, все еще по нему страдаешь?

– Да нет, – спокойно отмахнулась Милочка. – Просто вспомнить приятно. А Гошик – это уж как-то совсем. Ладно бы я действительно из всех сил замуж хотела – могла бы и попытаться. Но я все-таки не считаю, что он – мой последний шанс. А еще он мне поставил условие: он на мне не женится, пока я курить не брошу.

– Конечно, Гошик – это не твой последний шанс, но почему бы тебе не бросить курить? – весело откликнулась Климка, паркуясь рядом с блинной. – Поболтаем спокойно?

– Ты что?! – ахнула Милочка, автоматически схватившись за талию при виде блинчиков.

Климка уже занимала очередь.

Милочка заняла столик, сидела и любовалась отстраненно женственной Климкой, которая даже в очереди, даже устав от шопинга, продолжала как-то бессознательно флиртовать с мужиками, пристроившимися в очередь за ней. Мужики были иностранцами, старыми и страшными, и совершенно не интересными самой Климентьевой. Делала она это как нечто само собой разумеющееся.

Милочка вспомнила, как они познакомились в общежитии, где Милочкины однокурсницы жили на четвертом, а несколько студенток медфака на пятом. И курили все в одном месте, между этажами. Милочка тогда еще не курила, но за компанию иногда выходила подышать никотином. Тогда она еще о своем здоровье не задумывалась. Как, в общем-то, и все остальные – молодые, здоровые и веселые – ее подруги, знакомые, однокурсницы.

Климка тогда была такой тощей, что ей уже не завидовали. Одевалась на «апрашке». Пила все, что горит. Курила, как паровоз. Меняла кавалеров, как перчатки. Милочка же, напротив, пила избирательно, никотин вдыхала только пассивно, умело выбирала качественные вещи и любила исключительно героев.

Прошло почти десять лет. Климка немного округлилась. Закончила медфак и ординатуру, поработала в государственной больнице и ушла в частную клинику. Перестала одеваться на «апрашке». Сняла квартиру в центре. Купила машину. Сходила замуж. Бросила курить. Глядя на высокую, стройную, с взволнованно-одухотворенным взглядом Климентьеву Екатерину Григорьевну тридцати лет от роду, одетую шикарно и небрежно одновременно, с тем особым налетом богемности, который, в отличие от Москвы, накладывает Питер, можно было сказать, что жизнь этой самой Климентьевой Екатерины Григорьевны удалась.

Сама Климка не знала, удалась ее жизнь или нет, а в сей момент она вообще просто заказывала себе и Милочке по порции блинчиков. А получив заказ, она широким жестом поставила поднос на стол перед подругой. Иностранцы, увлеченные бессознательными чарами Климентьевой, очнулись от гипноза и растерялись. Милочка, стараясь скрыть улыбку, вопросительно уставилась на них. Климка, не замечая, – или делая вид? – уселась напротив подруги. Иностранцы проблеяли что-то невразумительное и ретировались.

– Ну, Климка, ну ты даешь! – смеялась Милочка. – Как ты их приворожила, одним взглядом... на блинчики!

– Да я их вообще не видела! – оправдывалась Климентьева. – Откуда они вообще взялись?

– Помнишь фильм «Мемуары гейши»? Как там?... Настоящая гейша одним взглядом может остановить мужчину.

– Что их останавливать? Мы же не в Японии. У нас настоящая женщина одним взглядом должна уметь сподвигнуть мужчину навесить шкафчики, забить гвоздь...

– ...отремонтировать бытовую технику...

– ...починить компьютер...

– Он тебе компьютер-то починил?

– Починил. И денег не взял.

– Ну, ты настоящая гейша! – Климка прищурилась. – А может, тебе действительно сходить замуж за Гошика? Не выйти, а именно сходить? Сколько можно ждать героя?

– Я уже не жду героя.

– Тем более если ты уже не ждешь героя. Ни героя, ни принца на белом коне. И правильно делаешь. Слушай, скажи мне, а как твой Гошик пахнет?

Милочка задумалась, вспомнила, как утыкалась носом ему в плечо и, кажется, куда-то в шею... Пожала плечами:

– А пахнет он хорошо.

– Вот и прекрасно. Извини меня, но я медик, а не филолог. Все ваши стрелы Амура – не более, чем романтический бред. Для меня любовь – в первую очередь физиология. Люди выбирают себе пару по запаху. Поэтому все прекрасно: если тебе понравился его запах, то у вас все может получиться.

Все это было ровно год назад: и предложение Гошика, и разговор с Климкой. Потому что потом сразу наступил Милочкин день рождения, на который явился Гошик с огромным до неприличия букетом банально красных роз.

За этот год изменилось немного, но по существу. Милочка работала все там же, по-прежнему жила в коммуналке на Вознесенском, дружила с Климкой и покупала одежду в Дисконт-центре. Изменения же, по сути, касались только ее личной жизни. А точнее сказать, Гошика. Еще точнее – Милочкиного к нему отношения.

Когда Милочка изменила свое отношение к другу детства, она и сама толком не помнила. Все произошло как-то само собой. То ли Климка уехала на какие-то курсы повышения квалификации в Москву, и Милочке стало одиноко. То ли на работе на какой-то банкет-фур-

шет нужно было явиться непременно с кавалером. То ли она, затосковав, решила позвонить Аркане и ошиблась номером... Иными словами, Милочка позвонила Гошику.

Гошик пришел. Гошик развеселил. Гошик сопровождал. Гошик сказал. Гошик принес. Гошик устроил. Гошик навесил шкафчики и вбил гвозди. Гошик разлил вино. Милочка проснулась и обнаружила, что в постели она не одна. Гошик ласково поцеловал ее в плечико. Гошик проявил активность.

Когда Гошик починил телевизор Марье Никаноровне, Милочка насторожилась. Когда Марья Никаноровна стала поздравлять Милочку с достойным выбором, Милочка ужаснулась. Когда выяснилось, что у Милочки с Гошиком образовались общие друзья, Милочка запаниковала. А потом Гошик закончил ремонт в своей свежеекупленной двухкомнатной квартире на Марата и впервые пригласил Милочку к себе.

Сколько себя помнила, Милочка мечтала о собственном доме. Выйти замуж она, конечно, тоже мечтала, но и о доме – не в смысле угла, а в смысле строения – не забывала. Милочка была даже готова выехать куда-нибудь за город, на берег Финского залива, лишь бы у нее был собственный дом.

Дом с мансардой, с деревянной лестницей наверх, с камином в гостиной, со шкурой на полу. С ухоженным газоном около дома, с миниатюрным вишневым садиком, с цветами. Милочка готова была по два часа добираться на работу. Милочка готова была копить деньги всю свою жизнь. Милочка много на что была готова ради своей мечты.

Не сказать, что Милочка совсем уж витала в каких-то заоблачных высях. Нет, она прекрасно себе представляла, сколько стоят домики и земельные участки в Курортном районе. Но мечта – она на то и мечта, чтобы верить в нее всей душой, всем сердцем и вообще всем-всем-всем. Милочка успешно двигалась по карьерной лестнице, добивалась все большей зарплаты и копила деньги.

А пока домик на берегу залива оставался мечтой, она активно обустривала свое жизненное пространство в коммуналке. Обладая от природы вкусом, Милочка сумела создать в своей комнатке оазис уюта и спокойствия. И не прекращала своей созидательной деятельности ни на мгновение. Она покупала журналы по дизайну, посещала строительные магазины, искала всякие мелкие штучки, способные оживить и украсить ее интерьер. Скачивала в Интернете статьи по фэн-шуй. Раз в месяц пекла на кухне пирожки.

А ощущение дома не приходило. Спокойно, конечно, Милочке было в своих четырех стенах, удобно, комфортно. Бежала она домой с работы или из солярия охотно. Засыпала легко. Сны смотрела красивые. А все-таки было во всем этом что-то не то. Чего-то, точнее, не доставало. И снова Милочка бежала в магазины, покупала журналы, спрашивала совета у подруг.

А потом она попала в квартиру Гошика.

Милочка послушно обошла помещения, следуя за другом детства, вещавшим, как экскурсовод:

– Я всю жизнь мечтал о посудомоечной машине, а тут подумал – почему бы и не купить? – Он гордо продемонстрировал ей машину. – Это сейчас ты смотришь – все в ажуре. А мне пришлось полы перестилать, потом линолеум класть... – Далее следовал внушительный список работ, которые ему пришлось проделать, чтобы довести квартиру до идеала.

Милочка уже не спрашивала, почему он не нанял строителей. Ей даже это импонировало – то, что Гошик почти все сделал сам. Нанимал он разве что тетешек клеить обои, и то просто потому, что ему это было неинтересно.

Милочка послушно вышагивала по паркету, отциклеванному Гошиком, проходила в арку, сделанную Гошиком, открывала и закрывала двери, навешенные Гошиком, разглядывала розетки и светильники, угадывая хитроумные ходы проводки, проложенной Гошиком. Вбитые Гошиком гвозди она даже не считала.

«Хозяйственный, – думала Милочка. – И чего я удивляюсь? Ведь мужик, наверное, таким и должен быть... Ах, как же я отвыкла от настоящих, хозяйственных, умеющих и телевизор починить, и гвоздь забить, и деньги заработать мужчин...» Милочка послушно вникала во все детали ремонта и хвалила Гошика. Хвалила искренне и даже с восхищением.

И между тем замечала, что квартира перепланирована и меблирована под семью, под сожительство двух человек. Несмотря на то, что одна из комнат была наполовину заставлена компьютерами и разным «железом», там было оставлено рабочее место и для второго.

Но все это было еще ерунда, еще ничего – не более чем рациональные размышления тридцатилетней уже почти женщины, одинокой и с подругами, и с родителями, которые настоятельно рекомендуют скорее выскакивать замуж. Самое удивительное случилось потом.

Гошик накормил Милочку ужином. Чай со сладостями он эффектно внес на подносе в комнату. Включил домашний кинотеатр. Потом они завалились рядышком на диван, болтая о каких-то пустяках. Потом все, как обычно, произошло само собой. И Милочка подумала было, что в ее жизни был и более интересный секс. И даже решила поразмышлять на эту тему, лежа на плече у Гошика и ничуть при этом не смущаясь, что бессовестно сравнивает его с другими...

Как случилось *оно*.

Точнее, что конкретно случилось, Милочка так и не поняла, и даже сразу не осознала. Но вдруг она с пронзительной ясностью почувствовала, что она – дома. Она почувствовала себя так естественно и уверенно, что сама испугалась.

Не сказать, что все в квартире Гошика ей понравилось – и дизайн следовало продумать основательнее, и каких-то милых плюшевых мелочей ей не хватало... Но здесь, в этом конкретном, по сути, чужом и незнакомом ей помещении, лежа на плече мужчины, к которому привыкла, как к домашним тапочкам, Милочка почувствовала себя дома. В том самом «доме», о котором она мечтала всю свою двадцатидевятилетнюю жизнь. Милочка глубоко вздохнула... и расплакалась.

– Когда это было? – спросила Милочка сама себя, стоя все так же перед зеркалом в день своего тридцатилетия.

Она подошла к зеркалу еще ближе и еще внимательнее посмотрела на свое отражение, как будто все значимые события в ее жизни должны были отпечатываться на ее внешности. С такими вопросами нужно, наверное, заглядывать в фотоальбом – а Милочка обожала распечатывать лучшие фото – или пролистывать папку с фотографиями на компьютере. Сейчас же она продолжала всматриваться в собственное отражение.

Из зеркала на нее смотрела лохматая тридцатилетняя – а сегодня Милочка каждой клеточкой чувствовала своей возраст – женщина со странным выражением лица. За последние пару часов Милочка заново прожила год отношений с Гошиком и как будто даже устала. Но в отражении ее лицо было отчаянно-решительным.

– В конце концов, у меня сегодня день рождения, мне сегодня можно все. Я не хочу ничего выяснять. Я просто хочу провести свой день рождения с человеком, которого я... – здесь Милочка запнулась, – ...которого я очень хочу видеть. Разве в этом есть что-то противозаконное?

С этими словами Милочка взяла в руки мобильный и набрала номер Гошика.

6

Трагическая глава, в которой сердце Милочки разбивается окончательно

Милочка проснулась с ощущением потери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.